

ВВЕДЕНИЕ

*«Коль вы способны, сев времен провидя,
Сказать, чьи семена взойдут, чьи — нет,
Судьбу и мне откройте...»**

Шекспир, «Макбет», акт I, сцена 3

Приоткройте скрипучую дверь в доме с привидениями — и по спине поползут мурашки. Ведь из темноты может появиться что угодно. А в будущее мы распахиваем двери в каждое мгновение нашей жизни. Что скрывается за этими дверями? Способны ли мы подготовиться к неизвестному, если, как говорит апостол Павел, «мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно**»? Эта книга рассказывает о скрытом лике времени, о том, что будто бы скрывается во тьме, где мы еще не были. В ней повествуется о том, как мы пытаемся вообразить будущее, подготовиться к нему и вообще справиться с этим диковинным и чуждым понятием, обыкновенно именуемым «будущим».

Попытка разобраться в будущем может показаться желанием схватиться за воздух. Но все же, при всей его воздушности, будущее во многом определяет наши мысли, чувства и действия. Вспомните, сколько тревог и сколько усилий, сколько надежд и сколько свершений обращено в будущее. Смеею предположить, что именно большая часть наших помышлений и побуждений так или иначе связана с возможным будущим. Как правило, мы реагируем на потенциальные варианты будущего словно на автопилоте. Таково повседневное мышление о будущем, всем знакомое и даже банальное; оно регулируется биологическими и неврологическими процессами — такими

* Перевод Ю. Корнеева. — *Примеч. ред.*

** 1 Кор. 13:12. — *Примеч. ред.*

алгоритмами, что кажутся интуитивно понятными, поскольку в основном они действуют за порогом осознания. К такому мышлению о будущем мы прибегаем, когда переходим дорогу и прикидываем, не собьет ли нас встречная машина. С тайной будущего мы вплотную сталкиваемся тогда, когда беремся за новые дела, когда рождаются дети, когда нас постигает внезапный кризис, когда мы переезжаем в новую страну или пытаемся вообразить будущее планеты Земля. Это уже сознательное мышление о будущем. Едва мы начинаем размышлять осознанно и тщательно, к нам быстро приходит понимание того, насколько странным может быть будущее.

В этой книге описывается, как философы, ученые и богословы представляли и представляют себе будущее. Еще в ней обсуждается, как другие существа, от бактерий до летучих мышей и баобабов, разгадывают эту грандиозную загадку, используя чрезвычайно сложные биохимические и неврологические механизмы. А также описывается и исследуется тот уникальный способ, которым наш собственный вид коллективно (и зачастую осознанно) мыслит о будущем и пытается его сотворить. Наконец в этой книге рассказывается о некоторых вариантах будущего, вообразимых уже сегодня, — о том, что может случиться в ближайшие несколько десятилетий и через миллиарды лет. А заканчивается текст рассуждениями о конце времен.

Повседневная тайна

С диковинной экзистенциальной тайной будущего мы сталкиваемся в каждый миг нашей жизни. Поневоле думаешь, будто имеется множество возможных вариантов будущего. Но затем в мгновение ока все они, кроме одного, исчезают, и у нас остается всего один выбор. С настоящим приходится действовать быстро, потому что очень скоро оно застынет в памяти, уйдет в историю, где станет изменяться разве что чуть живее древнего мамонта в толще льдов вечной мерзлоты. Мы знаем, что по другую сторону всякой скрипучей двери таится нетерпеливая толпа других возможных — до бесконечности — вариантов будущего, что они, так сказать, выстраиваются в очередь в ожидании, что

среди них хватает и банальных, и очевидных, и загадочных, и преобразующих. Но нам не дано знать, какой именно вариант выпадет в итоге.

Пелена загадок, окутывающая будущее, одновременно притягательна и внушает страх; она придает жизни изюминку, наделяет ее богатством смыслов, красотой, восторгом и значимостью. Неужели нам и вправду хочется знать, что скрывается за каждой дверью? Две тысячи лет назад Цицерон восклицал: «Или Цезарь, если бы предвидел, что в том самом сенате, большую часть состава которого он сам же и назначил... он будет заколот знатнейшими гражданами, часть которых получила от него же всякие награды, и что к упавшему телу его не подойдет не только никто из его друзей, но даже из рабов; если бы Цезарь все это знал заранее, подумать только, какие душевные муки он испытал бы при жизни!»* Цицерон был близко знаком с Цезарем и даже видел, быть может, как того закололи в Сенате на мартовские иды (пятнадцатое марта) 44 г. до Р. Х. Когда Цезарь умирал, Цицерон как раз писал свой великий труд о предвидении будущего. Кончина правителя была для него наглядным и глубоко прочувствованным примером. Неведение будущего придает человеческой жизни немалую толику драматизма и волнения. Оно обеспечивает свободу выбора и налагает на нас моральную обязанность выбирать обдуманно.

Чаше всего нам действительно хочется заглянуть в будущее. Какие подсказки тут есть или могут быть? Когда собираемся в другую страну, мы можем поговорить с людьми, которые там уже побывали, или взять с собой путеводитель Lonely Planet, как европейцы девятнадцатого столетия брали в дорогу свои бедекеры**. Будучи по профессии историком, я путешествую в прошлое в своем воображении, а бедекером мне служит совокупность записей и воспоминаний тех, кто жил в те времена. Я двигаюсь вовсе не вслепую. Однако для будущего у нас нет проводников, ведь там никто еще не

* О дивинации. Перевод М. Рижского. — *Примеч. ред.*

** Т. е. путеводители (от имени немецкого издателя К. Бедекера, выпускавшего в свое время популярную серию путеводителей). — *Примеч. перев.*

был — никто вообще. Как напоминает историк и философ Р. Дж. Коллингвуд, будущее не оставляет документов¹.

Неведение пугает, поскольку будущее воистину важно, очень важно для нас. В конце концов, как выразился футуролог Николас Решер, «именно в нем нам предстоит провести остаток жизни»². Потому-то мы все ищем советов и наставлений. Наш разум непрерывно сканирует мир вокруг, выявляет закономерности, тенденции и знаки, воображает возможные варианты будущего, хорошие и скверные; мы пытаемся истолковывать сновидения, гадаем по звездам, внемлем предупреждениям и обещаниям прорицателей и финансовых консультантов. Мы советуемся с родителями, врачами и учителями. Современные правительства нанимают экономистов, статистиков и других ученых (причем платят им порой немалые деньги). Всей этой деятельностью мы занимаемся потому, что, пусть будущее не оставляет никаких документов, у нас имеются отдельные подсказки о грядущих событиях. Иногда появляется возможность давать прогнозы с некоторой уверенностью — как говорил Лейбниц, с «моральной [то есть близкой к реальности] обоснованностью». Завтра взойдет солнце; я однажды умру; правительство будет требовать, чтобы я платил налоги. Обо всем этом нельзя рассуждать с «непогрешимой» убежденностью, но такие предположения во многом обоснованны и достаточно близки к истине. Зато нам не дано предсказывать будущее в подробностях, не считая редких случаев вроде солнечных затмений. В отличие от прошлого, изобилующего подробностями, будущее предстает туманным простором смутных фигур, что движутся словно в сумерках.

Как ни удивительно, наши единственные подсказки насчет будущего опираются на прошлое. Вот почему жизнь нередко сравнивают с ездой на гоночном автомобиле, когда постоянно смотришь в зеркало заднего вида. Понятно, почему время от времени происходят аварии. Подобно прорицателям из дантовского «Ада», которым в наказание вывернули головы назад, мы входим в будущее, непрерывно оглядываясь на прошлое. Ирония в том, что историки, которые тратят свое время на изучение прошлого, уделяют столь мало внимания размышлениям о будущем. Одна из целей моей книги — обосновать связь мышления о прошлом (оно же «история»)

и мышления о будущем, дабы впредь использовать прошлое более умело для освещения возможного будущего.

Сегодня вдумчивое размышление о будущем кажется особенно важным, ведь нам выпало жить в эпоху, которая, похоже, станет определяющей для истории нашей планеты. В прошлом столетии люди вдруг сделались настолько могущественными, что фактически покусились на будущее Земли и жизни на ней. Наши свершения в ближайшие пятьдесят лет предопределят будущее биосферы на тысячи, если не на миллионы лет вперед. Причем наши действия будут зависеть как от размышлений о возможном будущем, так и от того будущего, которое мы пытаемся создавать. Более глубокое понимание того, что такое, собственно, будущее, как мы можем к нему подготовиться и какое будущее наиболее вероятно, — вот крайне важные формы представлений, не только для специалистов, но и для всякого сознательного жителя современного мира.

При этом, несмотря на всю необычность будущего, все то количество мыслей, которые обращены к возможному будущему, и всю фундаментальную значимость осознанных размышлений о будущем, мы редко обучаем общим навыкам мышления о будущем в наших школах и университетах. Мы учим специализированным навыкам мышления о будущем, таким как компьютерное моделирование, но большинство из нас действует в итоге почти наугад. Мы полагаемся на свои инстинкты и интуицию, вступая в пределы загадочного мира, который распахивается перед нами, занимает наши мысли и во многом направляет наши действия. Я писал эту книгу отчасти потому, что понимал, сколь мало известно людям о так называемом будущем и о тех умениях, что необходимы для тщательного осмысления возможного будущего. Тем не менее у меня не получилось составить некое доступное общее введение в тему будущего и мышления о будущем³. Подозреваю, что я не одинок в желании узнать больше о странном мире за скрипучей дверью. Поэтому я попытался написать книгу, которую сам жаждал прочитать: это что-то вроде руководства пользователя о будущем. Не являясь специалистом в области мышления о будущем, я попытался разобраться в том, что мы подразумеваем под «будущим», лучше понять, как правильно

думать о будущем, и представить, как можно использовать это лучшее понимание для воплощения будущего — для себя самого, для нашей планеты и для вселенной в целом.

Большая историческая перспектива

Эта книга исследует наши представления о возможном будущем через призму «большой истории» — складывающейся сегодня междисциплинарной области, которая в моем собственном преподавании и в моих собственных статьях господствует вот уже третье десятилетие⁴. Большая история рассматривает прошлое во всех возможных видах и с различных научных точек зрения; она считает, что своего рода триангуляция способна привести к более богатому и глубокому пониманию истории. Дэвид Юм говорил, что ему доставляет удовольствие изучать задачу «довольно скрупулезно»⁵. Надеюсь, что этот подход поможет нам лучше узнать будущее через перспективу большой истории. Вообразите, что вы берете в руки кристалл, в котором заключено будущее. В следующих главах мы будем многократно переворачивать этот кристалл, разглядывать будущее сквозь разные грани, при разном освещении и глазами специалистов самого разного толка. Всякий раз при повороте кристалла его форма, цвет и содержание немного меняются, так что мы можем узнать что-то новое.

Изучение задачи с разных точек зрения может принести немалую пользу. Увлекательная теорема теории сетей, известная как теорема о малом мире*, служит здесь объяснением. Она показывает, что в сети, где большинство точек соседствует одна с другой, всего несколько дальних связей способно преобразовать сеть целиком, увеличивая скорость обмена идеями, информацией и товарами. Большая часть человеческой истории складывалась под воздействием сетей размером с деревню, где проживали соседи со схожими взглядами. Но если хотя бы один житель такой деревни регулярно ездит

* Иначе серия экспериментов «Мир тесен»: ряд опытов американского психолога С. Милгрэма и его коллег в 1950–1970-х гг. по выявлению расстояний в социальной сети (теория «шести рукопожатий» и пр.). — *Примеч. перев.*

в ближайший город, он в состоянии революционизировать локальную сеть, связать ее с большими потоками информации и совершенно разными точками зрения. Вот почему малочисленные «связующие» — бродяги, торговые караваны, корабейники, странствующие пророки и солдаты — играли столь важную роль в истории человечества. Древние Шелковые пути изменили историю Евразии, создав сети обмена — не только товарами, но также информацией и культурой — от Кореи до Средиземноморья⁶. Перемещение в среде научных дисциплин может быть не менее обогащающим. Те, кто пересекает разграничительные линии между дисциплинами, создают основные парадигмы современной науки, будь то космология Большого взрыва, сочетание физики огромного и малого, или современная генетика, сочетание химии, биологии и физики. Подобно Шелковому пути, перспектива большой истории может сплести воедино нити из многих областей знаний, привести к новым прозрениям и новым способам мышления. Установление новых связей в такой сложной и раздробленной области знаний, как мышление о будущем, может быть особенно важным. Как пишет Уэнделл Белл, один из пионеров современных «исследований будущего», «в мире специалистов и специализированных знаний важную — но пока незаметную для общества — роль играет человек, который видит картину в целом, который понимает взаимосвязи разного, который прозревает целое, а не только отдельные части»⁷.

Конечно, пересекать границы дисциплины не менее рискованно, чем было в старину путешествовать по Шелковому пути. Приходится идти на компромисс между локальным знанием и общей картиной. Надеюсь, что понимание благодаря различным точкам зрения уравновесит случайные потери — в четкости, в нюансах или в строгости описаний. Квантовый физик Эрвин Шредингер хорошо охарактеризовал эту дилемму в предисловии к книге «Что такое жизнь?», междисциплинарной работе, вдохновившей Фрэнсиса Крика и Джеймса Уотсона на прорыв в области исследований ДНК. Признавая, что он не биолог, но пребывая в убеждении, что физика способна многое предложить биологии, Шредингер писал: «Я вижу лишь один способ справиться с этой дилем-

мой (иначе наша истинная цель будет утрачена навеки): кто-либо должен взять на себя синтез фактов и теорий, даже полученных из вторых рук и неполных, рискуя выставить себя глупцом»^{*}.

Моя книга изучает будущее в том же духе. Она нацелена на то, чтобы сделать наше понимание будущего «довольно скрупулезным», однако, сколь это ни парадоксально, предлагает широкий охват и рассматривает будущее с разных сторон. Она показывает, как мы пытаемся понять будущее, как люди и другие живые организмы норовят управлять своим будущим, как мы, люди, стремимся подготовиться к наиболее вероятному будущему и наконец как мы, люди, воображаем будущее нашего собственного вида, нашей планеты и даже вселенной.

История происхождения книги

Почему историк пишет о будущем? Разумеется, большинство историков придерживается прошлого — совершенно справедливо, по мнению Р. Дж. Коллингвуда. «Задача историка, — заявлял он, — состоит в том, чтобы познать прошлое, а не в том, чтобы визнавать будущее; всякий раз, когда историки говорят, что могут предсказывать будущее до того, как оно наступит, мы вправе с уверенностью утверждать, что что-то на самом деле не так с основополагающим пониманием истории». Большинство историков согласится с этим мнением, но довод Коллингвуда все-таки странен: ведь изучение прошлого — это ключ к большинству форм мышления о будущем. Именно поэтому с маститым историком соглашаются отнюдь не все. Так, историк Э. Г. Карр признает, что его коллеги не в силах предсказывать конкретные события, но настаивает на том, что они могут выявлять крупные исторические закономерности и тенденции, сулящие «некие общие ориентиры будущих действий, одновременно... насущные и полезные»⁸. Конфуций одобрил бы эти слова, ибо сам он наставлял: «Когда я говорю вам о чем-нибудь, что совершилось в прошлом, вы [уже] знаете, что последует

^{*} Перевод К. Егоровой. — *Примеч. ред.*

в будущем»*. Что ж, я рассчитываю убедить хотя бы отдельных читателей в том, что историки действительно могут предложить многое для размышлений о будущем.

Именно большая история когда-то побудила меня более серьезно задуматься о будущем. В начале 1990-х годов мы с коллегами из Университета Маккуори затеяли радикальный эксперимент по преподаванию курса истории, охватывающего все прошлое мироздания, с того ослепительного мгновения 13,8 миллиарда лет назад, когда наша вселенная родилась в результате Большого взрыва. Преподавание такого курса было смехотворно амбициозным, поскольку вырывалось за границы множества традиционных дисциплин. Так что нам и в голову не приходило обсуждать будущее! Наша последняя лекция была о сегодняшнем мире. После одной из лекций ко мне подошла студентка из числа лучших на курсе и сказала, что ценит широкий размах большой истории, но — я ждал этого слова — «на настоящем нельзя останавливаться. Если вы заглянули в прошлое на четырнадцать миллиардов лет, как можно обойти вниманием следующие сто лет или около того? Как можно оставлять слушателей на краю обрыва? Вы должны говорить и о будущем тоже». Мне почудилось, будто меня огрели по голове чем-то тяжелым. Конечно, она была права! Будущее — это остаток времени, поэтому историку надлежит потратить некоторое время на размышления о нем!

В следующем году вместе с коллегой Дэвидом Бриско, который читал замечательные лекции по биологии, мы включили в наш курс заключительную лекцию о будущем. Мы, конечно, совершенно не понимали, что делаем. О каком будущем говорить? О ближайших десяти годах? Или о следующем миллионе лет? Все пребывали в растерянности, но Дэвид внес блестящее предложение, которое, по крайней мере, сделало лекцию забавной. Он сказал — а давайте не будем слишком уж тщательно готовиться. В конце концов, мы действительно не знаем, что произойдет завтра! В общем, подбросим монетку перед студентами, чтобы решить, кто оптимист, а кто пессимист. Будем по очереди описывать хорошее будущее и плохое будущее. Так мы и поступили. Еще

* Лунь Юй. Перевод Л. Переломова. — *Примеч. ред.*